

Т. Ф. Фильчук

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Научный дискурс современности

Фильчук Т. Ф. Науковий дискурс сучасності. У статті розглянуто сучасний науковий дискурс, методологічним принципом якого є категорія мовної атракції. У річищі новітніх лінгвістичних поглядів на науковий дискурс з'ясовано особливості гносеологічної основи гуманітарного знання сучасності. Сучасний науковий простір схарактеризовано як мисленнєву систему, якій властиві метафізичність, особливого роду парадоксальний аналітизм.

Ключові слова: мовна атракція, науковий дискурс, лінгвофілософія, сучасна наукова парадигма.

ильчук Т. Ф. Научный дискурс современности. В статье рассматривается современный научный дискурс, методологическим принципом которого является категория языковой аттракции. В русле современных лингвистических взглядов на природу научного дискурса анализируется гносеологическая основа гуманитарного знания. Современное научное пространство характеризуется такой мыслительной системой, которой свойственна метафизичность, с особого рода аналитизмом, основанном на парадоксе.

Ключевые слова: языковая аттракция, научный дискурс, лингвофилософия, современная научная парадигма.

Filchuk T. F. A scientific discourse of the present time. In the article the modern scientific discourse which methodological principle is the category of language attraction is considered. In connection with the analysis of a scientific discourse the gnoseological basis of humanitarian knowledge of the present time is considered in detail. The modern scientific space describes by a cogitative system which peculiarity is metaphysics with a special type of analytism, based on paradox.

Keywords: language attraction, scientific discourse, linguistic-philosophy, modern scientific paradigm.

Языковая аттракция организует различные типы дискурсов, определяет их содержание, форму, словесное наполнение и выражение. Это связано с универсальным характером данного явления. Аттракционная природа научного дискурса в его современной специфике является объектом научного осмысления в контексте современной культурной и философской ситуации и находится в русле филологической проблематики.

Актуальность заявленной темы заключается в ситуации смены научных, эпистемологических парадигм, обусловлена потребностью в осмыслении глубинных основ современной мыслительной системы.

Цель настоящей статьи состоит в анализе основных мыслительных, культурных и социальных установках, которые реализуются в научном дискурсе и организуют внутреннюю логику его развития.

Процессы, происходящие в современной лингвистике, способствуют возникновению новых научных идей, мировоззрений, а также теорий, существенным образом отличающихся от доминирующих в традиционной науке (см., например, работы авторов сборника

«Язык и наука XX века», статью М. А. Чешко [18; 13]). Эти процессы представляют собой движение общенаучных, общекультурных концепций, приводящее к пересмотру границ и сфер компетенции наук, которые казались уже вполне и окончательно определенными. «Естествознание – по словам Д. И. Руденко и В. В. Прокопенко, – активно вторгается в область гуманитарного знания <...>, гуманитарные науки активно участвуют в создании новой – ноосферной – парадигмы научного мировоззрения, в биологию, физику и космологию возвращается телеологизм <...> обнаруживаются области не только соприкосновения, но и наложения наук, не представимые ранее» [11:118]. Примером такого рода изменений может быть появление такой науки, как лингвофилософия. Отметим, что филологические науки (в том числе и лингвистика) переживают в настоящее время наиболее глубокие изменения. Для того чтобы понять природу и характер современного научного дискурса, необходимо учитывать специфические черты, присущие научному мышлению. Основной целью науки (как и литературы, публицистики, религии и

т.д.) является познание, которое обладает «принудительной истинностью» [15:157]. По словам М. И. Шапира, «в эмпирических науках теория считается истинной до тех пор, пока она не опровергнута или хотя бы потеснена другой теорией, которая имеет не худшую фактологическую базу, но при этом несовместима с первой» [15:257]. Сущность научного познания заключается в том, что его результаты должны быть представлены определенным образом с помощью языка, отвечающего определенным нормам. Научные высказывания должны отвечать таким параметрам: четкость, ясность, логическая непротиворечивость, возможность проверки, «т.е. быть в принципе доказуемыми либо опровержимыми» [15:259.] Как нормы научного языка, так и установка научного познания на истинность являются неприемлемыми для современной лингвистической науки и не принимаются ею. Это обусловлено самой природой филологии (в частности лингвистики), которая обладает своей спецификой: не имеет границ, проецирует в различные научные пространства, сопрягается с такими науками, как история, философия, культура, социология, психология и т.п., выводы лингвистических наук не всегда поддаются проверке и находятся в модусе возможности, а не долженствования. В основе современной науки лежит тезис, способствующий процессу познания, который П. Фейрабенд называет «всемерной пролиферцией теорий» [цит. по: 15:264], – больше теорий хороших и разных. Научная практика – учебная и исследовательская, – в которой сформировалось научное сознание многих поколений, не предполагала методологических проблем в осмыслении филологического материала. В традиционной (позитивистской, структурной) научной парадигме преобладала жесткая и однозначная тенденция к классификации, номинации, оценке, к линейно-иерархическому в плане времени и авторства представлению филологического материала. Научный текст по своей природе является творческим актом научной рефлексии, которая не предполагает однозначности и абсолютной истинности. Научный дискурс представляет собой диалогическое построение, апеллирующее к согласию или несогласию, к возникновению нового знания или переосмыслению уже известного; это творческий акт, приводящий к познанию. Постмодернистский принцип осмысления действительности находит отражение и в научном тексте. Это приводит к тому, что линейно-иерархический принцип научной орга-

низации подвергается сомнению и критике, распадается временной авторитарный ряд и определяются самодостаточные научные парадигмы, сопрягающиеся с метафизическими, философскими системами. Научный дискурс современности становится научно-философским, так как его «мировоззренческой и гносеологической основой является философская мысль в сопряжении аналитической и метафизической ее природы» [6:10]. Наука выходит за свои пределы, создает «новую реальность», соединяясь с другими формами сознания – философского, художественного, публицистического, политического, идеологического и т.д. Современная научная парадигма, представляющая собой такое «строение идейного космоса», которое «определяется уже не господством и подчинением, а сосуществованием, простой смежностью противоположных и независимых начал. Но в целом культуры, так же как и в сознании отдельного человека, мирное сожительство противоположных идей возможно только при одном условии: ни одна из этих идей не выросла до подлинной реальности, не стала движущей и повелевающей силой, но все они пребывают в состоянии какой-то абстрактной и волнующей возможности» [4:132].

Отношения между такими науками, как философия и филология, возникают на уровне общих проблем, на уровне лингвистического и философского подходов к языку. Вопрос о сущности языка всегда рассматривался в качестве философской проблемы, начиная с софистов и Платона. Но философия не принимала, даже, скорее, отвергала естественный язык, считая, что он не приспособлен для выражения и передачи «высоких» метафизических понятий и истин; создавала свой язык, метафизический, представляющий собой жестко организованную систему понятий, «в которой все элементы находятся в строгом подчинении фундаментальному концепту Единого» [11:121]. В «философском» языке «снимается проблема референции, а соответственно устраняются полисемия и омонимия, неизбежные в естественных языках», так как «единственным денотатом метафизических понятий является универсальный континуум смыслов» [11:121]. Стремление философии создать свой собственный универсальный, имеющий субстанциональный характер язык привело к разрыву между философскими науками и науками о языке.

Дальнейшее развитие философии, крах идеи субстанции (Единого) приводит к тому,

что язык стал рассматриваться как «дом бытия» (выражение М. Хайдеггера). С этой позиции, по М. Хайдеггеру, язык не столько инструмент, обслуживающий мысль, сколько мысль является тем способом, с помощью которого актуализируются изначальные смыслы, содержащиеся в языке. Природа философских фундаментальных концептов характеризуется противоречивостью, такая особенность позволяет рассматривать метафизику как языковую игру, следовательно, философия и созданный ею язык подвергаются трансформации. «Это смещение метафизики в ряд разнообразных, но равноправных, неавторитарных дискурсов создает многообразные возможности последовательной рефлексии относительно самой сущности философии, осознание ее игровой – может быть, даже лингвистически игровой – природы» [11:131].

На современном этапе философия, по мнению А. Пятигорского, становится филологической, т.е. в ее понимании язык бесконечен и неисчислим [10]. Филологическая философия не проясняет сказанное, выстраивая абсолютно верную интерпретационную модель произведения, не ищет в тексте означаемые, а пытается выявить скрытые в тексте означающие, рассматривая само языковое пространство, языковые средства, осознавая и анализируя их.

Современная философская наука, впитавшая постструктуралистские идеи деконструкции, сопрягается с филологией, которая пережила общий кризис структурной методологии, доминирующей в прежней парадигме научного знания. Философия современности дает толчок к развитию новых идей, концепций, тем самым обогащая новыми средствами работы филологию. Современная филология характеризуется различными типами научной деятельности: это и составление словарей, комментирование, архивная работа, т.е. систематизация, описание, классификация, рутинная работа, без которой языковедческой науке не обойтись; и взгляд, перечеркивающий научную традицию, взрывающий догму, создающий свою научную мыслительную систему, которая существует как самодостаточный мыслительный феномен.

Философия и филология современности смыкаются, комбинируются на уровне текста, при этом по-разному интерпретируя его, составляя разные акценты: филология в русле понимания, по словам Н. С. Автономовой, «на чужом в тексте», а философия – «на своем в тексте». «Для филолога почти все важное в тексте выразимо словами, для филосо-

фа – ничто важное в тексте словами не выражается» [1]. Как нам кажется, данное замечание исследователя находится в модусе категоричности. Для филолога важное, представляющее собой смысловое наполнение текста, находит выражение не только в словах, но и в сознательных или бессознательных ассоциациях, порождающих сам текст и его смысловое пространство, так же как для философа важное рождается словами, которые пробуждают мысль. В современной научной парадигме филология и философия неотделимы друг от друга: философия оказывает влияние на филологию, испытывая воздействие самой филологии, хотя и филология, и философия по-своему отражают и осваивают мир, действительность. Философский текст имманентно присутствует в филологическом тексте, он является участником диалога, который имеет форму литературно-поэтического выражения и разворачивается в бесконечности, так как искусство словесного построения является способом познания, существования различных истин и смыслов, которые спрятаны в глубинах текста и которые необходимо выявить, возможно, расшифровать, чтобы увидеть многогранность текста.

Сближение филологии и философии приводит к появлению и распространению маргинальных (по жанру) дискурсов, находящихся на стыке между искусством и философией, – это, например, появление философской «метафорической эссеистики» (произведения Р. Барта, М. Хайдеггера, С. Кьеркегора, Ж. Дерриды, Б. Парамонова, В. Руднева и др.); философия в этом ассимилятивном процессе воплощает идею науки. Именно отсюда вытекает отклонение от канона строгой традиционной научности, которая переживает кризис идей положительного метода: происходит эстетизация философского начала, которое интеллектуализирует филологические тексты. А. Камю заметил, что «мысль оставила притязание на универсальность» и «наилучшей историей мысли была бы история ее покаяния» [7]. Такое состояние научной мысли свойственно современной научной парадигме, которая долгое время претендовала на абсолютную истинность, основывалась на догматических установках, оперировала энкратическим языком. Современная филология, сопрягающая в себе духовно-практическую деятельность (художественную, публицистическую) и научную (теоретическую), представляет собой самостоятельный модус философствования. Филология и философия воздействуют на дейст-

вительность и творят реальность наравне с социально-общественными явлениями: современное осмысление жизни стало возможным и благодаря философским и филологическим текстам.

Традиционная научная парадигма со своей картиной мира формализовала, структурировала и объективировала реальный мир, действительность, при этом происходило самоотчуждение человека. Современная наука (филологическая, философская) субъективизируется, появляется личностный смысл в структуре сознания, предметом исследования становится мир непосредственных восприятий, который основывается на ассоциативных связях. Новый мыслительный фон противоположен позитивистскому рационалистическому обоснованию филологических (в том числе лингвистических) концепций. На современном этапе в период расцвета метафизической философии система филологического сознания и филологической деятельности, которую можно обозначить как систему «придумывания», творческой рефлексии получила мыслительную и «дискурсивную» (имеется в виду форма выражения) поддержку метафизических самодостаточных философских мыслительных парадигм. Научно-философская ситуация в наше время принципиально изменилась, и это связано, в первую очередь, с утратой главенствующих позиций позитивистской аналитической философии, на смену которой пришел аналитизм, связанный с метафизической основой, т.е. филология становится лингвофилософской, опирающейся в своих конкретных анализах на лингвофилософские универсалии и общечеловеческие категории нравственного, аксиологического, культурно-идеологического характера. Такому лингвофилософскому мышлению свойствен не энкратический язык (язык власти), а акратический (по терминологии Р. Барта), парадоксальный, который порожден мыслью, способный «функционировать в любых условиях, сохраняя свою энергию вопреки ничтожности реальных носителей языка» [2:537], язык, отрицающий догму, исповедующий плюралистичность. Новая научная мыслительная система существует в модусе предположительности, возможности и этим отличается от традиционной, которой свойственна категоричность, докса, дифференциация явлений и понятий, фетишизация их, представленной языком власти, понимаемой как давление на другого, языком, в основе которого лежит мыслительная и языковая догма. Традиционной научной парадигме

свойственна монологичность, оценочность, номинативность, которые в конце концов абсолютизируются и при этом, по замечанию П. А. Флоренского, «качественно и количественно» теряют «тот основной масштаб, которым определяются все прочие наши масштабы: самого человека» [12:130]. Современная наука – это самодостаточная научная парадигма, характеризующаяся неиерархичностью мыслительных авторитетов, преемственностью, которая имеет характер имманентного присутствия (подразумевания). Лингвофилософская научная система направлена на смыслообразование, при котором «личность соотносит свой внутренний мир с миром культуры» [9:174]; она имеет диалогическую природу и вступает в различные диалогические отношения: «в диалог голосов и смысловых позиций в индивидуальном сознании» и, шире, в диалог «человек – Бытие», в рамках которого рождается «мысль о чужих мыслях», «смыслах, значениях <...> реализованных и данных исследователю только в виде текста», «волеизъявлениях, манифестациях, выражениях» [3:306–307]. Такая «открытость иному» (слова М. М. Бахтина) лингвофилософского научного дискурса проявляется в его разноплановой интертекстуальности, которая является основным способом формирования языковой аттракции: поэтические и прозаические эпиграфы, цитаты, аллюзии, реминисценции из художественных, публицистических, философских текстов, включающиеся в образно-мыслительные парадигмы основного пространства научного текста. В современной научной парадигме язык – акратический – стал сущностью сознания. Язык, по замечанию Г.-Г. Гадамера, представляет собой тот философский предмет, где происходит встреча науки и опыта человеческой жизни [5:25]. На языковом уровне философский дискурс размывается, теряет свою метафизическую замкнутость, так как он находится в естественно-языковом пространстве, становится лингвофилософским. Для того чтобы понять языковую структуру такого текста, необходимо проинтерпретировать его, вычленив различные языковые пространства, которые представляют собой возможные миры. При интерпретации текста читатель в свою очередь порождает новые возможные миры, которые создаются благодаря обнаружению новых смыслов у слов, возникающих с помощью ассоциативного пространства, в игре с их сочетаемостью, переосмыслению «чужого» в тексте – все это приводит к творческому

осмыслению научного дискурса, к «придумыванию», что является движущей силой новой мыслительной системы. М. Яфаров заметил, что, включаясь «в движение словесных машин, прекращая их обезличенную работу, пребывая в движении освобождающей силы слов, человек осознает себя участником поворота слова, рождения нового смысла» [19:7]. Возможно, благодаря использованию в научном дискурсе игровых языковых элементов, научное творчество станет более концептуальным, понятным, продуцирующим новые смыслы и идеи. Автор и читатель современного научного текста творят собственные картины мира, которые характеризуются открытостью, незавершенностью, возникают при помощи чаще всего неожиданно, парадоксального комбинирования разных фрагментов знания, восприятия мира, разных языковых пространств. Но именно автор выступает в роли дирижера, позволяя «вступать в диалог уже существующим (в каком-либо из пространств человеческого познания) и часто очень различным суждениям, оценкам и точкам зрения; более того, это дирижер, который сам, импровизируя, создает партитуру произведения» [11:136].

Современный научный текст творит собственную реальность – метареальность. В этой «метареальности», – по словам Д. И. Руденко и В. В. Прокопенко, – автор – или «делающий собственную ставку в игре» читатель – вступает в сложный диалог с произведением» [11:138–139]. Такой текст «представляет собой своего рода длящуюся реальность, продолжающийся творческий акт, расширяющий, по крайней мере в потенции, границы мира/языка...» [11:139]. Постмодернистская эстетика, которая имеет рефлектирующий, исследовательский характер, сопрягает различные научные знания, образуя единое научное пространство. Лингвофилософские научные тексты имеют двойственную природу: с одной стороны, литературный, художественный, языковой план, наполненный научным содержанием, придает тексту документальность, а с другой стороны, художественность выступает как своеобразное остранение (термин Б. Шкловского [16–17]). С помощью этого приема – приема остранения – автор стремится возбудить интерес у читателя, привлечь внимание к представленным и рассматриваемым в тексте научным проблемам, заставить читателя вступить в диалог с текстом, автором, бытием, который приведет или не приведет к смыслообразованию, к созданию возмож-

ных миров, истин, понятий, к возникновению нового знания и понимания. А. С. Колесников в работе «Философия и Литература: современный дискурс» [8] рассматривает и анализирует четыре элемента структуры остраненного образа: шифр (загадка), уплотнение, прояснение, вторичная наглядность (или «реализация метафоры»). Как нам кажется, такое разграничение не является продуктивным, так как понятия шифр, уплотнение, прояснение накладываются друг на друга, пересекаются. Одно и то же явление выступает то как шифр, то как уплотнение, то как прояснение. Эти понятия находятся в едином смысловом поле. В приеме «реализации метафоры» вторичный смысл заложен в самом понятии «метафора», и, чтобы обнаружить его, нет необходимости снимать наглядность, которая выступает как сигнал, эксплицитно выраженный, находящийся на поверхности текста, смыслообразующий, участвующий в интерпретационном процессе.

Одна из важных проблем лингвофилософского научного дискурса, по мнению Н. С. Автономовой, заключается в необходимости выработки концептуального языка – «инструмента чтения» современных лингвофилософских текстов. Невозможно «описать свой опыт через категории Лакана или Делеза <...> не разобравшись в том, зачем им самим те или иные понятия, откуда они взялись, какие задачи они позволяют решать и могут ли быть перенесены в новый мыслительный и культурный контекст» [1]. Исследователь считает, что отсутствие концептуального языка приводит к «неумению читать» не только философские тексты, но и художественные, публицистические и т.д., к неумению «вычитать собственные эмоции, а не привносить их в текст» [1]. Создание концептуального языка, комментирование различных научных понятий являются одними из форм деятельности филологической науки.

Современная научная мыслительная парадигма существует в модусе свободного выбора, что предопределяет ее освобождение от всяких догм, вне зависимости от их наполнения; она развивается по своим имманентным законам. Но существует опасность, заключающаяся в самой природе сознания, «идеологемы можно сформировать на основе любой доктрины», если она внедряется как догмат, т.е. вне всякого выбора и сомнений» [13:177]. Достаточно утратить модус предположительности, возможности, уверовать в абсолютную истинность научных концепций, замкнуться на них – и все это приведет

к духовному оскудению, к невозможности возникновения диалогического общения, к превращению концепций в догмы, идеологически насаждаемые в сознание.

Таким образом, в наше время явление языковой аттракции становится методологическим принципом современного научного

дискурса. Это стало возможным благодаря некатегоричности и незавершенности мыслительного процесса, который организуется не в модусе долженствования (так есть, так должно быть), а происходит в модусе «мерцающей» возможности, которая характерна для современной эпохи.

Литература

1. Автономова Н. С. Философия и филология (о российских дискуссиях 90-х годов) [Электронный ресурс] / Н. С. Автономова — Режим доступа к ст. : http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/09.htm.
2. Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; [пер. с фр.] — М. : Прогресс, 1989. — С. 535—540.
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин // Сочинения. В 7 т. Т. 5. Работы 1940 — начала 1960 гг. / М. М. Бахтин — М. : Русские словари, 1997. — 731 с.
4. Бахтин Н. Современность и фанатизм / Н. Бахтин // Независимая газета. — 1994. — № 54. — С. 7.
5. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер ; [пер. с нем.] — М. : Искусство, 1991. — 367 с.
6. Гуторов В. А. Диффузная природа научно-философского дискурса / В. А. Гуторов // Вісн. Харк. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер. : Філологія. — 2002. — № 527. — С. 10—15.
7. Камю А. Мысль о Сизифе [Электронный ресурс] / А. Камю — Режим доступа к ст. : <http://lib.rin.ru/doc/i/20968p25.html>.
8. Колесников А. С. Философия и Литература: современный дискурс — Режим доступа к ст. : <http://www.anthropology.ru/texts/kolesnikov/discourse.htm>.
9. Москвина Р. Р. Человек как объект философии и литературы / Р. Р. Москвина, К. В. Мокроносов. — Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1987. — 200 с.
10. Пятигорский А. Краткие заметки о философском в его отношении к филологическому / А. Пятигорский // Philologica. — 1995. — № 3—4. — С. 127—130.
11. Руденко Д. И. Философия языка: путь к новой эпистеме / Д. И. Руденко, В. В. Прокопенко // Язык и наука 20 века: [сб. статей]. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. — С. 118—143.
12. Флоренский П. А. Из неоконченного труда «У водоразделов мысли» / П. А. Флоренский // Эстетические ценности в системе культуры : [сб. науч. ст.] — М., 1986. — С. 114—132.
13. Фрумкина Р. М. Идеи и идеологемы в лингвистике / Р. М. Фрумкина // Язык и структура знания. — М., 1990. — С. 177—190.
14. Чешков М. А. «Новая наука», постмодернизм и целостность современного мира / М. А. Чешков // Вопросы философии. — 1995. — № 4. — С. 24—34.
15. Шапир М. И. Язык этики или этика языка? О деонтологии науки / М. И. Шапир // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — С. 257—266.
16. Шкловский В. О теории прозы / В. Шкловский. — М. : Федерация, 1929. — 267 с.
17. Шкловский В. Художественная проза. Размышления и разборы / В. Шкловский. — М. : Сов. писатель, 1961. — 667 с.
18. Язык и наука 20 века : [сб. статей] / под ред. Ю. С. Степанова. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. — 432 с.
19. Яфаров М. Сила чистоты. Даниил Хармс / М. Яфаров // Независимая газета. — 1994. — 2 февр. (№ 20). — С. 7.